

● «Ангелы у нас вроде массовки.
Но они этого не чувствуют, работают полноценно!»

Перед показом фильма «Многоotchие» на фестивале «Окно в Европу» зрители напрасно ждали Сергея Симоновича Дрейдена — вмешалась бдительная судьба и превратила обыденную двухчасовую поездку из Петербурга в Выборг в семичасовое путешествие. Но российскую премьеру Дрейден с коллегами все же отпраздновал — после фильма, на задворках кинотеатра, возле мини-кара, на котором он с супругой, собакой и друзьями все-таки добрался и который по этому случаю сыграл роль полевого буфета. После чего компания погрузилась в машину и исчезла из поля зрения.

Дрейден не виноват — таков жанр его жизни. Парадоксальные совпадения и повороты судьбы, детство в кругу знаменитых друзей его родителей — и многочисленные рабочие профессии, которые осваивал актер; перио-

дически наступающая его всенародная любовь (как после «Окна в Париж» или «Золотых масок») — и конфликты с театрами, где он непримиримо принципиален (при том, что работать приходилось с Акимовым, Фоменко, Дятловским).

Шестьдесят пять лет такой жизни не внесли серьезных изменений в личный стиль Сергея Дрейдена. Перемещение в пространстве? В основном на велосипеде (покупка велосипеда на блошином рынке — первое, что Дрейден сделал, приехав в Париж сниматься у Мамина). Большая человеческая дружба? Со спаниелем Тиберией (разъезжает на велосипеде в специальном багажнике). И артистическая легкость, превращающая самую невинную, бытовую его затею в перформанс.

Но есть темы, в которых Дрейден серьезен до академичности. Одна из них — профессия.

Справка «Новой»

Сергей ДРЕЙДЕН, актер Театра на Литейном (Санкт-Петербург). Лауреат премий «Золотой софит» и «Золотая маска» (спектакли «Мрамор», «Потерянные в звездах»). В его фильмографии — «Фонтан» и «Окно в Париж» Юрия Мамина (актерский псевдоним — Сергей Донцов), «Папа» Владимира Машкова и «Русский ковчег» Александра Сокурова.

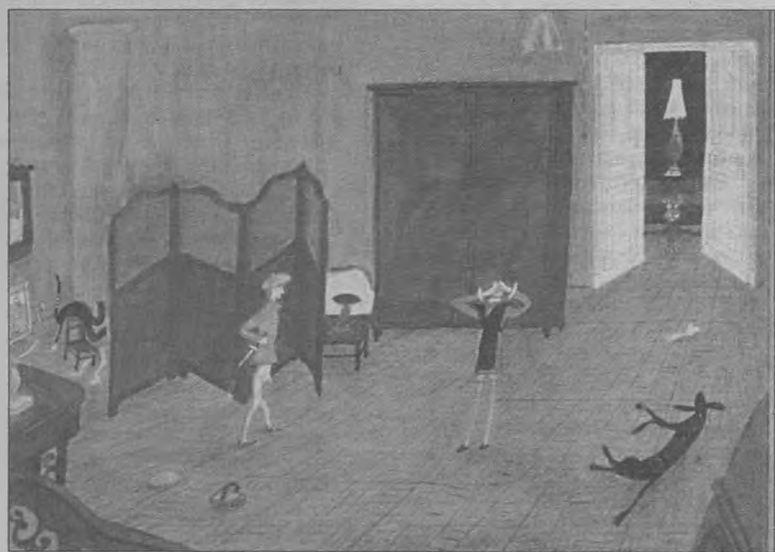
кино становится музыкой, либо нет». Очень здорово снято — в культуре Урусеvского.

— Андрей Эшпай снял вторую картину с вашим участием?

— По пьесе Набокова «Событие». Игорь Гордин, Чулпан Хаматова играют фабулу. Мой персонаж не в интриге. Он — знаменитый писатель. Пьеса написана Набoковым в тридцатые. К этому же периоду относится цикл его рассказов. Можно было взять поэзию, то есть очень интересно «сочинить» персонаж.

Лабораторная работа с ангелом

С помощью живописи актер Сергей ДРЕЙДЕН ушел от вынужденной публичности

«Принц и Люба»

У меня был опыт: когда Фоменко делал «Случай в пассаже», он предложил мне сочинить роль, которой не было в инсценировке. Я брал дневники Достоевского (не «Дневник писателя», а просто дневники!) и находил какие-то реплики для моего персонажа. Безумно люблю такую лабораторную работу.

— Готовится к изданию ваша «книга рисунков» — биография в картинках с сопроводительными текстами... Там есть подборка о театре?

— Есть — «театр», а есть — «на пути к театру». Скажем, когда-то мы по Шолом-Алейхему играли — Алла Николаевна Соколова, наш сын Коля и я, у нас был спектакль, который назывался «Бес счастья». Жили в Доме актера под Ленинградом. И у меня есть картинка: «Станция Удельная и танцующие персонажи спектакля» —

«Сиверская, Кезево и автопортрет»

в реальное станционное здание я поселил наших будущих персонажей...

— Вы как график причисляете себя к какому-то течению?

— Когда была первая выставка, я назвал свои картины «арт-наив». Начиная делать в 84-м году «воспоминательные картинки», я удивлялся, почему рисую их именно так, хотя могу и по-другому. Но мне показалось, что это соответствует способности ребенка. А в последних картинках темы давние, но сделаны взрослой рукой. Это история Камерного театра, в котором какое-то время жила наша семья.

— Где они выставлялись?

— В Америке, потом в Генте, в Бельгии. А последний раз — в Петербурге, в Манеже, на выставке «Петербург-2005». В этот раз они сочинили раздел «рисуют не художники» — музыканты, артисты, писатели... И вместо трех моих работ взяли 12, сделали отдельный кабинет. Таким образом я книжку «прокатал». Это занятие (живопись) хорошо тем, что помогло уйти из вынужденной публичности.

— То есть?

— Даже когда я работал в БДТ, все равно находился в состоянии «возьмите меня», «посмотрите меня» — мне важно было от этого уйти.

— В Петербурге сегодня вы заняты только в одном спектакле — «Потерянные в звездах» Театра на Литейном. Несмотря на солидный возраст (лет шесть), спектакль кажется очень живым. Вы чувствуете его развитие?

— Конечно! Год назад над спектаклем нависла угроза — из спектакля ушел один ангел, и нам сказали, что завтра будет играть другой человек. Я воспротивился, написал заявление, что слишком дорожу этой работой и считаю, что если в отсутствие режиссера происходит ввод, то он по крайней мере не должен быть скоропалительным! Во всяком случае, я отказываюсь участвовать. И Гетман пошел навстречу: спектакль отменили и месяц «восстанавливали».

— И все это ради ангела?

— Ради ангела! Этот новый паренек был очень зажатый... А вообще ангелы очаровательны. Изумительны! Хотя, по сути дела, вроде массовки. Но они этого не чувствуют, они к этому относятся очень полноценно. Мы ведь каждый раз репетируем — танцы, музыка, пение, все репетируем! Так вот, в спектакле есть чудный момент, когда меня раздевают (у Бога, я уже умер); и в этой сцене высвечивается «зерно» ангела, и это зерно — в пластике. Зажатость нового парня до сих пор в этой сцене сказывается, он все время в напряжении — я это чувствую. Говорю: «Смотри, тебе предлагается на законных основаниях быть абсолютно спокойным — вечно! Ты только и занят тем, что вечно, бесконечно будешь раздевать людей, складывать их: ты — ангел! Тренируй свой покой публично! Не волнуйся!».

Вот этот язык — это и есть поэтический театр. Чужие в искусстве — как раз те, кто готовит людей, не воспринимающих этого.

● Светлана ПОЛЯКОВА

Дрейден Сергей Симонович

20.09.06